

ковно-приходскихъ школъ, гдѣ дѣтей ихъ будутъ продолжать учить по пути, завѣщанному русскими предками издревле, т.-е. по пути неизмѣнной вѣрности вѣрѣ, царю и родинѣ.

Почетный предсѣдатель богородско-глуховской старообрядческой общины мануфактуръ-совѣтникъ *Арсеній Морозовъ*.

Два памятника П. В. Цвѣткову *)

На могилѣ П. В. Цвѣткова поставили надгробный памятникъ. Памятникъ дорогой и красивый.

Но этотъ памятникъ, несмотря на его цѣнность, массивность и красоту, несравненно меньше того памятника, который воздвигнутъ П. В.—чу въ сердцахъ благодарнаго ему избраннаго старообрядчества.

Памятникъ, стоящій на его могилѣ, свидѣтельствуется только о мертвомъ человѣкѣ.

Но тотъ памятникъ нерукотворный, живой, созданный не изъ мертваго камня, — онъ ясно говоритъ и напоминаетъ намъ о П. В. — чѣ, какъ о живомъ.

Живымъ, нерукотворнымъ памятникомъ нужно считать все то хорошее и великое, что сдѣлалъ П. В. для всего мыслящаго старообрядчества своимъ, поистинѣ художественно-поставленнымъ пѣніемъ.

Многіе люди, даже не только изъ его идейныхъ или личныхъ противниковъ и недоброжелателей, а просто изъ среды такъ-называемыхъ „безразличныхъ“, говорятъ: „Что же такого особеннаго сдѣлалъ для старообрядцевъ П. В.? За что ему при жизни и послѣ смерти была такая честь?“

Этимъ людямъ можно сказать и, пожалуй, на первыхъ порахъ согласиться съ ними, что, дѣйствительно: послѣ смерти П. В. никакихъ крупныхъ произведеній не осталось, если не считать кое-чего, составленнаго имъ по церковному старообрядческому пѣнію; новыхъ мелодій въ старообрядческое пѣніе онъ не внесъ, да и ни въ какомъ случаѣ не могъ внести, такъ какъ другихъ мелодій въ церковномъ пѣніи у насъ, старообрядцевъ, пока не можетъ быть, кромѣ тѣхъ, которыя приняты св. Церковью; хоръ для управленія онъ принялъ готовымъ и организованнымъ.

На самомъ дѣлѣ, спросимъ и мы: „Что такое сдѣлалъ П. В., что не только его при жизни чествовали и устраивали бурныя оваціи, но и послѣ смерти продолжаютъ говорить и писать о немъ въ періодической печати?“ На этотъ и подобные этому вопросы можно сказать многое, но, ограничиваясь самымъ главнымъ и существеннымъ, скажемъ одно: Павла Ва-

*) Прочитано 3-го іюля послѣ освященія памятника и панихиды на могилѣ П. В. Цвѣткова. См. стр. 798.

силевича почитаютъ главнымъ образомъ за то, что онъ *первый* осмѣлился вынести старообрядческое пѣніе изъ душнаго помѣщенія старообрядческой моленной на широкій просторъ Императорской консерваторіи.

Онъ первый осмѣлился выступить открыто со старообрядческимъ пѣніемъ, съ тѣмъ пѣніемъ, о которомъ даже музыкально-образованные

Памятникъ на могилѣ П. В. Цвѣткова.

люди говорили съ презрительной улыбкой, какъ о пѣніи, лишенномъ всякой мысли и музыки. И немудрено было этимъ людямъ такъ судить о старообрядческомъ пѣніи: они его могли слышать или у безпоповцевъ, поющихъ съ большимъ оттѣнкомъ въ носъ и притомъ же хомовымъ напѣвомъ,—или даже и у старообрядцевъ-поповцевъ, но тоже за время религиозныхъ гоненій утратившихъ красоту древнихъ мелодій и пѣвшихъ больше по напѣвкамъ, чѣмъ по нотамъ.

П. В. первый осмѣлился показать пѣніе не въ обычной обстановкѣ церковнаго богослуженія, а демонстрировалъ его со сцены консерваторіи и другихъ мѣсть передъ тысячами слушателей, среди которыхъ было много

людей съ высшимъ музыкальнымъ образованіемъ и знатоковъ древняго церковнаго пѣнія.

За одно это онъ достоинъ того живого памятника, который ему воздвигали еще при жизни лучшіе изъ старообрядцевъ въ своихъ сердцахъ.

Но еще мало того, чтобы выступить съ хоромъ публично. Пожалуй, нашлись бы и кромѣ него смѣльчаки „выступать“. Но главное-то въ томъ, съ какимъ успѣхомъ онъ это сдѣлалъ! Въ какомъ видѣ показалъ онъ это пѣніе! Вотъ въ чемъ кроется почти весь успѣхъ концертовъ подъ управленіемъ П. В-ча! Здѣсь - то и сказался этотъ энергичный, трудолюбивый и несомнѣнно талантливый человѣкъ, успѣвшій въ короткій срокъ такъ превосходно поставить хоръ, что съ нимъ не стыдно было выступить передъ цѣнителями и знатоками этого искусства,—выступить, не боясь безпристрастной критики, и не одной только критики, но даже враждебнаго отношенія со стороны своихъ же собратій-старообрядцевъ, побуждаемыхъ частью завистью и личной неприязнью къ П. В., частью тѣмъ, что *этого* не было раньше, а чего не было раньше, того, по ихъ мнѣнію, не должно быть и теперь: это—новшество, ересь и проч.

Теперь, думается, всѣмъ понятно, за что мы вспоминаемъ П. В-ча, ставимъ ему этотъ гранитный, а также и другой—нерукотворный памятники, и какую цѣнность—жемчужину мы, старообрядцы, потеряли въ лицѣ П. В-ча!

Какъ врасплохъ застала морозовскій хоръ—смерть П. В-ча!.. И не въ томъ только, что онъ не успѣлъ дать назначеннаго и уже подготовленнаго концерта въ г. Владимірѣ; но главное въ томъ, что онъ не успѣлъ подготовить въ достаточной степени достойныхъ себѣ преемниковъ.

Эта неожиданная утрата такого энергичнаго и способнаго человѣка очень глубоко отразилась на судьбѣ хора и надолго остановила его успѣхи по пути совершенствованія.

Теперь, послѣ его смерти, какъ гордо подняли головы его идейные противники и личные недоброжелатели.

Они теперь вполне увѣрены, что какъ бы они плохо ни пѣли и что бы они ни говорили о пѣніи—указать имъ настоящее ихъ мѣсто некому, и что теперь никто не осмѣлится такъ авторитетно возвышать свой голосъ для достойной ихъ оцѣнки.

Долгъ теперешнихъ руководителей хора доказать всѣмъ, что хотя П. В-ча и нѣтъ въ живыхъ, но духъ его остался, идея стильнаго древне-церковнаго пѣнія жива и не угасла.

Л. Тумановъ.